

СООТНОШЕНИЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ И ГЛОКАЛИЗАЦИИ В КУЛЬТУРЕ ДАГЕСТАНА

Абдулаева М.Ш.

ФГБОУ ВПО «Дагестанский государственный педагогический университет», Махачкала, Россия (367003, Махачкала, пр. Ярагского, 57), e-mail:m-medina71@yandex.ru

Актуальность изучения культуры Дагестана вызвана влиянием процессов глобализации и расширением арабо-мусульманского культурного воздействия. Ориентация на арабский мир, традиционную религиозность становятся маркерами «новой» этнокультурной и региональной идентичности современных дагестанцев. В культуре Дагестана в условиях культурной глобализации отстаивается сакральная неприкосновенность традиционных и исламских ценностей. Глобальные процессы в Дагестане сопровождаются распространением ислама, который является сдерживающим фактором вестернизации массовой культуры. Автором обоснован важный идентификационный маркер культурной принадлежности к мусульманской общине – *умме*. Исламская идентичность, в различных планах представляющая себя как антимодерн, внедрена в глобальную культуру потребления и действует в ее рамках. Активность глобализации в сфере массовой культуры провоцирует отстаивание локальных культурных идентичностей и формирование партикуляристской доминанты в развитии культуры Дагестана.

Ключевые слова: Дагестан, культура народов Дагестана, глобализация, глокализация, этнокультурная идентичность.

THE RATIO OF GLOBALIZATION AND GLOCALISATION IN THE CULTURE OF DAGESTAN

Abdulaeva M.S.

Dagestan State Pedagogical University, Makhachkala, Russia (367003, Yaragsky Prospect, Makhachkala), e-mail:m-medina71@yandex.ru.

The urgency of studying of culture of Dagestan is caused by the influence of globalization processes and the expansion of the Arab-Muslim cultural impact. Orientation toward the Arab world, traditional religiosity become markers of «new» ethnic, cultural and regional identities modern Dagestanis. In terms of cultural globalization is advocated sacred inviolability of traditional and Islamic values. Global processes in Dagestan are accompanied by the spread of Islam, which is a deterrent Westernization of mass culture. The author substantiates important identification marker of cultural identity and belonging to the Muslim community – *Ummah*. Islamic identity, in different plans representing itself as antimodern embedded in the global consumer culture operates within its framework. Activity of globalization in the sphere of mass culture provokes defending local cultural identities and the formation of a particular landmark in the development of the culture of Dagestan.

Keywords: Dagestan, culture of the peoples of Dagestan, globalization, glocalization, ethno-cultural identity.

Модернизационные процессы конца XX – начала XXI в., сопровождающиеся социальной, религиозной и политической нестабильностью в северокавказском регионе, обострили процесс возрождения интереса к этническим и историческим корням, к основаниям этнокультурной идентичности. Актуальность изучения культуры Дагестана усиливается в связи с влиянием на культуру процессов глобализации и расширения арабо-мусульманского культурного воздействия.

Авторы монографии «Цивилизационная идентичность в переходную эпоху: культурологический, социологический и искусствоведческий аспекты» указывают на

неоднозначность и проблемность процессов глобализации, которые оказались осложненными альтернативными тенденциями, противостоящими глобальной унификации и интеграции. Так, всем аспектам глобализации противостоят аналогичные тенденции антиглобализма; всемирной интеграции – процессы всеобщей дифференциации и дезинтеграции; унификации и стандартизации сопротивляются черты уникализации и индивидуализации, этнокультурной, интеллектуальной и художественно-стилевой самобытности [3, с. 139].

В самом процессе культурной глобализации изначально заложен определенный конфликтный потенциал. На это указывает К. Б. Соколов, отмечая, что «культурный империализм» неизбежно вызывает ответную реакцию – повышенную потребность в самоутверждении, сохранении основных элементов своей национальной картины мира и образа жизни». Ученый указывает на противопоставление глобализации и культурной замкнутости, имплицитно связанной с гипертрофированной гордостью своей самобытностью [6]. Рост уровня насилия на этнической и национальной почве К. Б. Соколов связывает с сопротивлением участников межэтнических конфликтов глобализации культуры, грозящей им ассимиляцией.

Представляется интересным категоричное суждение А. Я. Флиера, высказанное в связи с ростом исламских экстремистских движений. Указывая на возможность локализации подобных движений военно-политическими методами, ученый признает, что «культурно их победить нельзя», и предлагает активную урбанизацию и капитализацию среды обитания с целью размывания социальной базы воспроизводства «соответствующего населения» [8, с. 522]. Однако наши наблюдения над дагестанским социумом, переживающим период исламизации, позволяют отметить сложность урбанизации населения, ментальные установки которого ориентированы на культуру аграрного типа. Общинно-крестьянский архетип – императив дагестанского общества. Он определяет стремление к солидарности – родовой, этнической, клановой – и находит выражение в системе ценностей и норм поведения. Клановость во властных структурах выражается в построении клановой корпорации первых лиц республики, их семей, ближайшего окружения. Дагестанские горцы, переезжающие на равнину (в города), не интегрируются в городскую культурную среду, а, напротив, активно культивируют традиционные культурные доминанты, общинно-крестьянский образ жизни (сохраняя привычные кровно-родственные и общинные отношения, развивая частное домовладение, приусадебное хозяйство) и становятся активными участниками процесса исламизации всего дагестанского социума.

Дагестанская идентичность многоосновна. Наиболее выразительными знаками дагестанской идентичности выступают ориентация на русскую культуру (русский язык,

государственный логос), мусульманство, адат (система горского права и «спаянный» с ним институт общественного мнения). Поскольку общество не однородно, данные дефиниции проявляют себя с разной степенью интенсивности у разных социальных групп. Так, например, республиканские городские сообщества, постоянно подпитываемые сельскими мигрантами, в своей повседневной практике сохраняют и еще многие годы будут сохранять ощутимые элементы этнокультурной традиции. Значительная часть городского населения нуждается в комплексной социокультурной адаптации к развитым формам городской жизни. Это вызвано тем, что в настоящее время ощутим обратный процесс адаптации горцами городской жизни под свои стереотипы и предпочтения (руризация).

Рассуждая о характерном для сегодняшнего дня противостоянии традиционной и индустриальной культур, А. Я. Флиер указывает, что именно эта борьба за сакральную неприкосновенность традиционной культуры могла спровоцировать известные события 11 сентября 2001 г. в США, взрывы в московском метро и в «Домодедово» в 2010, 2011 гг. Если С. Хантингтон выделял конфликт между христианской и исламской цивилизациями как региональными общностями, то А. Я. Флиер утверждает, что этот конфликт – «между разными социальными типами культур – индустриальным (переходящим в постиндустриальный) и традиционным». В этой связи, по мнению ученого, необходимо ограничивать параметры допустимых проявлений культурной идентичности, формируемой в условиях *экстремальной духовности* [8, с. 525, 526].

В основе мусульманского глобализма лежит концепция мусульманской *уммы*. В. В. Наумкин указывает на феномен *уммаизма* как одной из форм «группизма», или сплочения людей в группы на основе солидарности [4]. Исследователь подчеркивает исходную для ислама концептуальную неоднозначность термина *умма* как в период становления данной религии, так и в настоящее время. Безусловно, что многие из первоначальных значений этого слова были ограничены исключительно контекстом времени и, возможно, сегодня уже не имеют практического значения.

Подтверждением политической коннотации понятия *умма* можно считать солидарность мусульман вокруг ситуации с опубликованными в датской газете карикатурами на пророка Мухаммеда (по сути, образовался межкультурный конфликт между мусульманами арабского мира и современной западной культурной традицией, базирующейся на свободе слова), полемика вокруг вопросов ношения хиджаба в школах Западной Европы, споры в России по поводу права женщин фотографироваться на документ в хиджабе и т. д. Из чувства солидарности в процесс уммаизации оказываются вовлечены нерелигиозные и аполитичные «этнические мусульмане», обеспечивая политическую карьеру радикальным исламистам.

Понятие *умма*, таким образом, определяет единство представителей исламского мира на основе веры, имеющее транснациональные политические коннотации.

Активное возрождение ислама на постсоветском пространстве Российской Федерации позволяет поднять вопрос о росте мусульманской глобализации и специфике ее проявления в социокультурной сфере российских регионов, прежде всего, в регионах с доминирующим мусульманским населением.

Как и многим регионам, Дагестану, в силу сложившихся исторических условий, изначально была присуща поликультурность. Сложные территориальные условия проживания дагестанских автохтонов обеспечили консервацию древних языковых и культурных особенностей. Историко-культурной общностью, существование которой мы наблюдаем и в настоящее время, Дагестан стал в советский период. Главными свидетельствами общности являются наличие общего ядра культуры и использование русского языка в качестве доминирующего компонента двуязычия. В гетерогенной среде сложились многообразные формы межкультурного диалога и межкультурного взаимодействия. Процессы глобализации в значительной степени повлияли на то, что ислам начал играть важную роль в политической, экономической и культурной сферах жизни республики. В дагестанском обществе сложилась ситуация, парадокс которой заключается во все большем стремлении к экономической либерализации хозяйственной жизни, законы развития которой в значительной степени обусловлены экономической глобализацией (то есть, экономической логикой современного Запада), и параллельном «всплеске» ислама как новой политической и культурной силы в социокультурном и политическом пространстве республики (аналогичные явления отмечают исследователи в странах с преобладающим мусульманским населением [5, с. 315–316]).

В настоящее время в Дагестане сформировано определенное соотношение разных стратегий религиозной жизни: адаптивной, протестной и конформистской. Об этом свидетельствует ежегодное увеличение количества совершающих хадж (по числу паломников республика занимает первое место в России); развитая сеть мусульманских учебных учреждений, большое количество мечетей; наличие молельных комнат на предприятиях и в учреждениях; социальная реклама на улицах городов. При этом наиболее активно выступил ислам, несущий радикальные коннотации и позиционирующийся «новым» исламом. Наиболее подверженной идеям «нового» ислама в Дагестане стала молодежь, о чем свидетельствует популярность арабского стиля в одежде, мусульманские объединения в социальных сетях, интернет-сообщества сторонников «чистого» ислама.

Предполагается, что в ближайшие годы арабо-мусульманская культурная экспансия проявится в расширении сферы своего влияния и претензии на статус доминирующей

(наднациональной) культуры. Прогрессирование тенденции исламизации дагестанского общества непременно приведет к нарастанию процесса децивилизации мусульманской общины. Последствия от культурного шока арабо-мусульманской экспансии могут быть непредсказуемыми, вплоть до элиминации этнокультурной специфики. Однако за многие века Дагестан успел сформировать мощные пласты самобытной национальной культуры. В качестве защиты от элиминации исламизмом дагестанской полиэтничной культуры выступит традиционализм как в социокультурной сфере, так и религиозной [1, с. 214].

Параллельно с теми воздействиями, которые оказывает культурная глобализация на экономическую, общественную и интеллектуальную жизнь, она способствовала распространению в Дагестане массовой культуры и образцов потребления. Если в сфере политики образовалась поляризация светских идеологий и исламского традиционализма, то в области массовой культуры заметны тенденции к плюрализму, многообразию идентичностей, растет значение концептов традиционной культуры, появляется потребительская культура.

Культурная глобализация может рассматриваться и как процесс создания подходящей платформы для оживления традиции. Таким образом, исламская идентичность в результате глобализации больше не представляет собой консервативного «Я», не склонного к каким-либо инновациям. Напротив, эмпирические наблюдения показывают, что представители ислама (как «традиционного», так и ортодоксального) следят за новыми тенденциями в моде, музыке, искусстве, увлекаются туризмом. При этом приобретает популярность новый сектор туризма – халяльный, т. е. дозволенный с точки зрения ислама. Появилась потребительская исламская идентичность, представители которой ведут себя аналогично всем, живущим в условиях экономики, интегрированной в рамки торговой культуры. Отметим еще одну особенность проявления исламской идентичности: пластиковые карты «халяль», не предполагающие начисления процентов на суммы, хранимые в банке, – в соответствии с запретом ростовщичества в исламе. Заметна прямая зависимость между степенью урбанизованности субъекта, его материальным статусом и лояльностью вызовам глобализации. Представители социальной группы, ориентированной на ислам, являются носителями новой культуры потребления, как и представители тех слоев, которые придерживаются светской идеологии: «они относятся к этой культуре не как к некоему злу, проникающему с Запада, но как к основе своего социального статуса и власти» [5, с. 336].

Исходя из изложенного и сделанного нами описания различных воздействий культурной глобализации на жизнь в Дагестане, мы приходим к выводу, что форма взаимодействия глобального и локального – скорее сосуществование, чем столкновение.

«Человеческий мир нуждается не только в единстве, но и в многообразии индивидуальных стилей, жизненных путей, биографий, характеров, вкусов и предпочтений, – отмечает С. Н. Иконникова. – <...> Глобализация лишь подчеркивает общность, не исключая, а поддерживая и развивая индивидуальность. Свобода выбора определяет стратегию культурной политики в транснациональном пространстве» [2, с. 354]. Альтернативой гомогенному миру, однообразному и нежизнеспособному, выступает мир гетерогенный, основанный на принципе поликультурности и культурном плюрализме.

Концепции поликультурности соответствует модель социокультурного развития общества, получившая название «единство в многообразии». Сердцевиной понятия *культурное многообразие*, – считает В. А. Тишков, – является «признание многообразных форм самих культурных общностей (не только русской или аварской, но и российской и дагестанской), признание и спонсирование не только различий, но и схожести, одинаковости, которые чаще всего преобладают над различиями, по крайней мере, в рамках одной национальной (неэтнической!) культуры, каковой является российская культура» [7, с. 136]. Вместе с тем, чем активнее, агрессивнее наступает глобализация в сфере массовой культуры, тем упорнее происходит отстаивание локальных культурных идентичностей, формируя партикуляристскую доминанту в пространстве культуры.

Противоположные векторы дальнейшего развития культуры дагестанских этносов предполагают как модернизацию повседневной культуры у городских жителей, так и сохранение архаичных форм – у сельских. Сохраняется приоритет религиозной и этнорегиональной самоидентификации, в то же время глобальные и модернизационные процессы в региональной культуре обеспечивают динамику общегражданской российской идентичности.

Список литературы

1. Абдулаева М. Ш. Современный потенциал и новые направления развития культуры Дагестана (2010-е гг.) / М. Ш. Абдулаева // Теория и практика общественного развития. – 2012. – № 4. – С. 214–217.
2. Иконникова С. Н. Транснациональное пространство высшего образования как духовный ресурс цивилизации / С. Н. Иконникова // Культура на рубеже XX–XXI веков: глобализационные процессы / отв. ред. Н. А. Хренов. – СПб., 2009. – С. 347–359.
3. Кондаков И. В. Цивилизационная идентичность в переходную эпоху: культурологический, социологический и искусствоведческий аспекты / И. В. Кондаков, К. Б. Соколов, Н. А. Хренов. – М.: Прогресс-Традиция, 2011. – 1024 с.

4. Наумкин В. В. Концепция мусульманской уммы: от религии к национализму и глобализму [Электронный ресурс] / В. В. Наумкин // ISLAMICA. Центр арабских и исламских исследований. – Электрон. дан. – М., 2008. – Режим доступа: <http://www.islamica.ru/modern-islam/?uid=160>. – Загл. с экрана.
5. Озбудун Э. Культурная глобализация в Турции / Э. Озбудун, Е. Ф. Кейман // Многоликая глобализация культурное разнообразие в современном мире / под ред. П. Бергера, С. Хантингтона; пер. с англ. В. В. Сапова; под ред. М. М. Лебедевой. – М., 2004. – С. 314–341.
6. Соколов К. Б. Глобализация культуры – благо или новая проблема? [Электронный ресурс] / К. Б. Соколов // Портал РФФИ. – Электрон. дан. – М., [2013]. – Режим доступа: http://www.rfbr.ru/rffi/ru/books/o_15775#1. – Загл. с экрана.
7. Тишков В. А. Единство в многообразии: публикации из журнала «Этнопанорама» 1999–2011 гг. / В. А. Тишков. – 2-е изд., перераб и доп. – Оренбург: Изд. центр ОГАУ, 2011. – 232 с.
8. Флиер А. Я. Культурные основания насилия (памяти Усамы бен-Ладена) // Культурология 20 – 11: авт. сб. эссе и ст. / А. Я. Флиер. – М., 2011. – С. 513–527.

Рецензенты:

Баглиева А.З., д.ф.н., профессор, зав. кафедрой философии и культурологии ФГБОУ ВПО «Дагестанский государственный педагогический университет», г. Махачкала.

Вагабов Н.М., д.ф.н., профессор кафедры философии и культурологии ФГБОУ ВПО «Дагестанский государственный педагогический университет», г. Махачкала.